

ЗИНАИДА ГИППИУС

ВЫБОР
МЕШКА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Выбор мешка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25904829

Аннотация

«Что мне делать? Литература, журналистика, литераторы – у нас тщательно разделены надвое и завязаны в два мешка, на одном написано: «консерваторы», на другом – «либералы». Чуть журналист раскроет рот – он уже непременно оказывается в котором-нибудь мешке. Есть и такие, которые вольно лезут в мешок и чувствуют себя там прекрасно, спокойно. Медлительных поощряют толчками...»

Содержание

I	4
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Выбор мешка

I

Что мне делать? Литература, журналистика, литераторы – у нас тщательно разделены надвое и завязаны в два мешка, на одном написано: «консерваторы», на другом – «либералы». Чуть журналист раскроет рот – он уже непременно оказывается в котором-нибудь мешке. Есть и такие, которые вольно лезут в мешок и чувствуют себя там прекрасно, спокойно. Медлительных поощряют толчками. На свободе оставляют пока декадентов, считая их безобидными, – для них, мол, закон не писан. Пусть перекликаются между собою, как знают, о своих делах, лишь бы «не портили нравов». Но журналисту (особенно журналисту), если он вздумает толковать о явлениях, подлежащих общественному вниманию, не позволять гулять на свободе: в мешок! Есть сугубо жгучие вопросы, имена, о которых совсем нельзя высказывать своих собственных мыслей. Мыслей этих никто не услышит – слушают только одно: одобряешь или порицаешь. Порицаешь – в один мешок, одобряешь – в другой, и сиди, и не жалуйся на неподходящую компанию. Сам виноват.

Что же мне делать? Я не хочу в мешок, а между тем

мне нужно коснуться именно одного из таких определяющих мою судьбу вопросов, одного из «волшебных» имен – имени Максима Горького. Думаю: правдой, сущностью М. Горького уже никто особенно не интересуется; буду я хвалить его, его присных, – ничью душу не возмущу в ее глубине; буду бранить – ничье святое не оскорблю тоже; М. Горький, как писатель, как художник, если и расцветал для кого-нибудь, – давно отцвел, забыт. Его уже не видят, на него и не смотрят. М. Горький – «общественное явление» и, между прочим, один из оселков, на котором пробуют «честность» убеждений литературного или другого какого деятеля. Если я не признаю Горького – значит: я признаю цензуру, гонение на евреев, бюрократизм, взяточничество, розгу – и так вплоть до крепостного права. И меня тотчас же посадят в мешок – прямо на «Русский вестник», на Грингмута, на Мещерского, – как бы я, и даже они сами, ни протестовали против такой неудобной близости. Если я признаю Горького и Ко – я падаю на Батюшкова из «Мира Божьего», на все серо-желтое «Образование», на всех «честных» работников с известными и неизвестными именами, ибо, признавая, что «человек – это гордо», – я «смело иду вперед по пути прогресса»... и т. д. Пусть Батюшков отрешивается от меня! Мы все-таки будем вместе, в одном мешке.

Великое несчастье – это наша литературная теснота, недостойная даже и такого малокультурного человека, как наш современный «литератор». Она им-то именно и создана, по-

тому что нельзя безнаказанно литератору так мало интересоваться литературой.

Что же мне делать с Максимом Горьким? Мне противно сидеть с Мещерским, с Меньшиковым, со Стародумом из «Русского вестника» — гораздо больше, чем ютиться под желтым крылом «Образования»; и все-таки для тех немногих, которые молчат и, может быть, прочтут меня до конца, и, может быть, сами думают, как я, — скажу, чем кажется мне «общественное» явление Максима Горького, его последователей — и всей его «школы».

II

О литературе Максима Горького почти нечего говорить. Как я уже сказал – писатель Горький для нас давно заслонен деятелем Горьким. Потерявшие, в огне общественных страстей, всякое понятие о литературной перспективе, наши критики и читатели привыкли говорить: «Горький и Толстой, Горький и Чехов, Гете и Горький». Достоевского упоминают реже: не очень верят, что он равен Горькому. Это все, конечно, не важно. Толстой остается со своей Анной Карениной, а Горький с собственным Фомой Гордеевым, и при том не перестает быть Максимом Горьким, чрезвычайно интересным знамением своего времени. О писательстве его скажем кратко несколько слов, с которыми согласится каждый спокойный и разумно-культурный человек: писатель, конечно, с большими способностями, даже с талантом; язык небрежен, однообразен, выразителен – в одном топе; природу Максим Горький чувствует грубо и мало; описывает, придумывая слова, и не заботится о промахах, заставляя героев в один и тот же день собирать яблоки и слушать соловья. Романтизм его и лирика – банальны, детски-неумелы, смешноваты. «Старухи Изергили» его нравятся гимназистам и провинциальным студентам-первокурсникам. «Типов» художественных у Горького тоже никаких нет. У лиц его не видно лиц. Все один и тот же Челкаш или Фома, или Илья, – Чел-

кашо-Фомо-Илья, он же «супруг Орлов». Удачные словечки и сюжетики показывают, что у автора есть наблюдательность. К художественному развитию Горький неспособен: его последние рассказы приблизительно равны первым, если не хуже их. Однообразие же быта и одинаковость словечек лишают самый талант Горького, несомненный и посредственный, постоянного художественного интереса. В этом отношении гораздо выше хотя бы Леонид Андреев, один из «учеников» Горького: он не лишен силы изобразительности и, без сомнения, самый литературно-талантливый из всей «плеяды»; впрочем, местами недурен и Скиталец, да и Куприн не бездарен. Другие – их тьма тем, – Серафимовичи, Вересаевы, Яблоновские, Чириковы, – к сожалению, неразличимы и значительны только своим явлением в данное время, явлением общественного характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.